

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.04)*

УДК 81

И.Г. Рябцева*Донской государственный технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

irina-17@yandex.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ «УЛОВКА»
В РОМАНЕ ДЖ. ХЕЛЛЕРА «CATCH-22»****[Irina G. Ryabtseva Language means
of expressing the strategy of "trick" in the novel by J. Heller "Catch-22"]**

The article is devoted to the analysis of the language means of expressing the strategy of "trick" in the novel by J. Heller "Catch-22". This strategy underlies the whole novel and turns out to be the most powerful means of creating the atmosphere of absurdity, falsehood and hypocrisy. In general the strategy of "trick" is understood as an intentional communicative-pragmatic act with various emotional-expressive shades, aimed at manipulative influence on the addressee through the concealment of the addresser's true intention in communicative situations of rivalry, clash of interests, etc. It is achieved through the abundance of logical contradictions, mutually exclusive lexical and grammatical structures, combination of different structural types of sentences (simple/complex), interweaving of conditional and subjunctive forms. Stylistic devices also contribute to this effect.

Key words: trick, communicative-pragmatic act, logical contradictions, obligatory, optional components, intentional.

На сегодняшний день роман Дж. Хеллера «Catch-22» является одним из самых значительных произведений в истории американской литературы и заслуженно входит в число лучших романов мировой литературы. Он повествует о событиях, происходящих в 1943 году на базе ВВС США на вымышленном острове Пьяноса у берегов Италии. Главными героями романа выступают летчики американской армии, которые являются представителями странного мира, полного бюрократических уловок и бессмыслицы. Эта бюрократическая машина парализует здравый смысл и превращает личности в безликую ведомую массу. Ключевую роль в этом играет так на-

зывается «*Catch-22*» (в переводе на русский «Уловка-22» или «Поправка-22»), ставшая именем нарицательным и обозначающая абсурдную, безвыходную ситуацию. Никому доподлинно неизвестно, в чем именно состоит «*Catch-22*». Но, вопреки всякой логике, армейская дисциплина требует ее неукоснительного выполнения. В романе находим следующее объяснение сути этой замысловатой «уловки»:

*There was only one catch and that was Catch-22, which specified that a concern for one's own safety in the face of dangers that were real and immediate was the process of a rational mind. Orr was **crazy** and could be grounded. All he had to do was ask; and as soon as he did, he would no longer be **crazy** and would have to fly more missions. Orr would be **crazy** to fly more missions and **sane** if he didn't, **but** if he was **sane** he had to fly them. If he flew them he was **crazy** and didn't have to; **but** if he didn't want to he was **sane** and had to. Yossarian was moved very deeply by the absolute simplicity of this clause of Catch-22 and let out a respectful whistle. "That's some catch, that Catch-22," he observed.*

Этот пример наводит нас на мысль о том, что «*Catch-22*» – это парадоксальная ситуация, из которой нет выхода. Слова героя звучат завуалированно, абстрактно и, в конечном счете, абсурдно. Этому способствует обилие логических противоречий, взаимоисключающих лексических и грамматических конструкций. Действительно, повтор прилагательного с отрицательной коннотацией *crazy* в оппозиции прилагательному *sane*, обилие конструкций с эксплицитно выраженным лексико-грамматическим отрицанием, сочетание различных структурных типов предложений (простые/сложные), переплетение форм условного и сослагательного наклонения, противительный союз *but* в своей совокупности создают эффект противоречивости, алогичности, неясности и просто бессмыслицы.

Так, «*Catch-22*» становится лейтмотивом всего романа и подразумевает под собой целый комплекс уловок, которые становятся главным «оружием» многих героев романа. С их помощью они скрыто манипулируют друг другом, воздействуют на эмоциональное состояние с целью повлиять на мнение собеседника, ввести в заблуждение, изменить его сознание и в итоге смоделировать желаемое адресантом поведение и реакцию адресата. Данная последовательность действий и составляет коммуникативную цель стратегии «уловка».

В самом общем смысле под стратегией «уловка» мы условились понимать *преднамеренный коммуникативно-прагматический акт с различными эмоционально-экспрессивными оттенками, направленный на манипулятивное воздействие на адресата через сокрытие истинного намерения адресанта в коммуникативных ситуациях соперничества, столкновения интересов и др.*

Исследование коммуникативных стратегий, в частности стратегии «уловка» исходит из ряда принципов, согласно которым любая речевая деятельность обладает определенной структурой. Эта структура проявляется в существовании определенных ходов и правил их сочетаемости, которые и определяют течение диалога. При этом на первый план выходит не конкретное лексическое наполнение реплик, но их функциональная направленность, определяемая с учетом типа коммуникативной ситуации и структуры диалога [1].

В нашем исследовании мы рассматриваем стратегию «уловка» *как сложное явление, как структуру, реализуемую через комплекс различных речевых тактик и коммуникативных ходов (речевые акты), а также комплексное использование языковых ресурсов и приемов речевого воздействия в условиях конкретной коммуникативной ситуации.*

Итак, воздействующая направленность «уловки» определяет ее специфическое языковое наполнение и сложную структуру, состоящую из *обязательных и факультативных компонентов*. К *обязательным* компонентам мы относим:

- Говорящий (адресант)
- Слушающий (адресат)
- Межличностные отношения коммуникантов, их социальные роли
- Предмет сообщения и само сообщение
- Интенциональный компонент высказывания

Первые три компонента отражают персональные характеристики коммуникантов и могут проявляться в следующих показателях:

- социальный статус, роль, пол и возраст коммуникантов;
- жизненный опыт и образование;
- психологические характеристики, темперамент, коммуникативные умения, вежливость;
- доминирующее положение одного из коммуникантов;

- отношения участников общения к друг другу и непосредственно к теме разговора (серьезное, юмористическое, презрительное, подозрительное, ироничное и т.д).

Что касается четвертого компонента, то он представляет собой собственно аргументацию, содержащую свои доводы / аргументы, которые зачастую являются недостоверными, несостоятельными или просто ошибочными в зависимости от целей и мотивов их применения. Интенциональный компонент напрямую связан с психологическим состоянием адресанта-адресата. Поскольку суть приема уловки заключается в сокрытии истинного намерения в условиях столкновения интересов, общающиеся находятся в «активно-отрицательном эмоциональном состоянии» [4]. Это в свою очередь находит отражение в выборе языковых средств и речевых тактик.

К *факультативным компонентам* мы относим эффект речевого воздействия, его результат и, в конечном счете, реакцию адресата, выражение которых мы наблюдаем сквозь призму свойственных им специфических средств: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, вербальная агрессия (негодование, возмущение и т.д), угроза «лицу» адресата. Более того, именно эти компоненты являются индикаторами успешности / неуспешности осуществления стратегии «уловка».

Рассмотрим следующий пример, в котором в полной мере представлены как обязательные, так и факультативные компоненты коммуникативной ситуации при осуществлении стратегии «уловка».

(1) <...>He turned with surprise to face a stout, pugnacious colonel with a large head and mustache and a smooth, florid skin.<...>

Come along.

The chaplain *pulled back in frightened confusion.*

Where? Why? Who are you, anyway?

You'd better come along with us, Father, a lean, hawk-faced major on the chaplain's other side intoned with reverential sorrow. We're from the government. We want to ask you some questions.

<...>Hands were *drawing the chaplain away irresistibly.* <...> Well, Chaplain? What have you got to say now?

He did give it to me! the chaplain *hissed in a whisper that was both fierce and fearful.* He did give it to me!

You're not calling a superior officer a liar, are you, Chaplain? Why should a superior officer give you a plum tomato, Chaplain? Is that why you tried to give it to Sergeant Whitcomb, Chaplain? Because it was a hot tomato?

"No, no, no," the chaplain *protested, wondering miserably* why they were not able to understand. I offered it to Sergeant Whitcomb because I didn't want it.

Why'd you steal it from Colonel Cathcart if you didn't want it?

I didn't steal it from Colonel Cathcart.

Then why are you so guilty, if you *didn't steal it?*

I'm not guilty!

Then *why would we be questioning you if you weren't guilty?*

Oh, I don't know," the chaplain *groaned, kneading his fingers in his lap and shaking his bowed and anguished head*. "I don't know".

В данном примере видно, что диалог происходит между двумя мужчинами, а именно полковником (адресант) и капелланом (адресат). Так как участники диалога обозначены не только именами, но и военными званиями, нам сразу представляется возможным определить их социальный статус и социальное положение: капеллан находится в подчинении у полковника.

Отсюда определяется характер их межличностных отношений, из которого видно, что адресант по отношению к адресату занимает лидирующую, доминирующую позицию в данном диалоге. Предметом сообщения становится абсурдное обвинение капеллана в краже помидоров. Основной интенцией, мотивом адресанта является допросить его с пристрастием, уличить адресата в краже, заставить его признаться в содеянном. Будучи насильно привезенным на допрос, капеллан уже находится в состоянии психологического напряжения (*protested, wondering miserably*), что как нельзя лучше способствует успешному осуществлению задуманного речевого воздействия – сбить с толку собеседника, сохранив при этом «лицо». Исходя из этого, адресант настойчиво «атакует» оппонента чередой вопросов, требует немедленного ответа, что способствует усилению эмоционального давления.

Наконец, мы видим реакцию адресата (факультативный компонент): сначала это страх, агрессивность, протест, возмущение, сопротивление, которое сменяется отчаянием, напряжением, нервозностью, страданием. Эмоциональное состояние адресата находит свое отражение не только на лексическом уровне (*hissed, fierce, fearful, groaned, protested, shaking, anguished head*). Так-

же фонетический стилистический прием аллитерации (*hissed in a whisper that was both fierce and fearful*), заключающийся в последовательном повторении согласных звуков [s] и [f], помогает нам почувствовать эмоциональное состояние капеллана, находящегося на грани отчаяния. Подобная реакция адресата говорит о том, что адресанту вполне успешно удалось реализовать главную интенцию, которая и определила коммуникативную стратегию «уловки». При этом мы исходим из классических представлений о стратегии как планировании речевой деятельности в максимально обобщенном виде [6]. Т. Ван Дейк и В. Кинч под стратегией понимают глобальную ментальную репрезентацию средств, служащих для достижения целей [2, с. 65].

Под речевой тактикой принято считать конкретные способы реализации стратегии, представленные совокупностью практических ходов – иллокутивных высказываний и определенных языковых средств. При этом особое место отводится лексико-семантическому слою языка.

По словам В.Е. Чернявской, всякий выбор слова – это уже субъективно-оценочный акт, он не нейтрален к субъекту речи. Лексическое значение выбранного слова передает информацию и о предмете сообщения, и об участниках коммуникативной ситуации, использующих язык. При этом выбор слова не только отражает различие в оценках (положительных или отрицательных), в эмоциях, но и способен навязать адресату определенное отношение к содержанию сообщения, т.е. направлять и воздействовать на восприятие и понимание сообщения [5, с. 11-12].

В анализируемых примерах из романа «Catch -22» нами были зафиксированы следующие лексико-семантические средства выражения уловки:

- слова и словосочетания с семантикой лжи, недостоверности, абсурдности, лицемерия, неискренности: *lie, conceal, sneer, averted gaze, disguise, uncertain grin, blink rapidly, scummy trick, catch-22, a pathologist for his pathos, an air of disillusioned disgust, deceptive, distrust, pretend, to sustain the illusion, blur out, cheat, absurd, unnatural, wheedle, sly, conspiratorial wink* и др.
- оценочная лексика: *obsequious, belligerent(ly), vehement, flashing, confusion, undisguised, relish, damn, nervous(ly), lamentation, frantical(ly), disillusioned, amazement, exasperation, careful(ly), crazy, scornful, sympathetic* и др. Прагматический компонент значения этих слов отражает эмоцио-

нально-оценочное отношение адресата к обозначаемому объекту, его интенциональных состояниях, а также специфическую для данных лексем информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью [4, с. 87].

Хотелось бы подчеркнуть то, что стратегия «уловка», вербализованная в разнообразных коммуникативных ситуациях отстаивания или столкновения интересов, манипулирования, эмоционального воздействия, в принципе не поддается верификации на предмет адекватности и правдивости отображения истинных намерений говорящего, что открывает путь к ее вариативной интерпретации. Подобная завуалированность «уловки» осуществляется за счет такого явления, как эвфемизация.

В прагматическом плане явление эвфемии справедливо ассоциируется с нарушением максимы образа действия – четкости и ясности изложения и выполняет функцию камуфлирования, нежелательной / невыгодной говорящему информации.

При реализации уловки эвфемизм как лексико-семантический инструмент может не только создавать эффект лицемерности и фальшивости, но и стать «средством получения выгод и рождения несправедливости» [3, с. 23-31].

Так, в следующем примере о смерти сослуживца герои говорят не напрямую, а с некоторой секретностью, потому что за эвфемизмом *disappeared him* стоит значение *to kill deliberately*. За этой неопределенностью скрывается боязнь солдат попасть в немилость начальства, так как Данбар погиб, выполняя приказ свыше.

(2) – Where's Dunbar? Yossarian wanted to know. – They *disappeared* him. – What do you mean they *disappeared* him?

(3) The *soldier in white* was more like a stuffed and sterilized mummy than a real nice guy.

В данном примере за эвфемизмом *the soldier in white* стоит значение *a hospital patient entirely swathed in bandages*. На первый взгляд, данный эвфемизм вызывает положительные эмоции к раненому солдату, позволяя ассоциировать его с образом белого ангела, возвышенного, чистого и невинного. На самом же деле, истинное отношение к этому бедняге прямо противоположно – *the soldier in white* предстает как таинственная, вселяющая страх мумия, которая зачастую становится предметом бурных обсуждений, а порой и скрытых насмешек.

На *грамматическом уровне* выбор говорящего ограничивается жесткими правилами сочетаемости языковых единиц. Нами были зафиксированы следующие грамматические средства, способствующие реализации стратегии «уловки»: формы повелительного и сослагательного наклонения, вопросительные и восклицательные предложения, категоричное лексико-грамматическое отрицание, усложненный синтаксис, эллипсис. Подтвердим сказанное примерами.

(4) *Who's they?* he wanted to know. *Who, specifically, do you think is trying to murder you?*

Every one of them, - Yossarian told him.

Every one of whom?

Every one of whom do you think?

I haven't any idea.

Then how do you know they aren't?

Because... Clevinger sputtered, and turned speechless with frustration.

В данном примере мы наблюдаем, как цепочка специальных вопросов, личные и неопределенные местоимения *they, everyone*, отрицательные конструкции, повторы, переспросы и парафраз способствуют созданию эффекта бессмыслицы и бессвязности диалога, что в итоге приводит к срыву коммуникации. И, хотя адресат предпринимает попытку подыскать аргументы, разочаровавшись, замолкает. На *стилистическом уровне* мы выделяем: риторические вопросы, эмоционально-экспрессивные частицы и междометия, эпитеты, повторы, языковая игра, парцелляция, аллитерация и др. Приведем примеры.

(5) All right, *gee whizz*. Stop rubbing it in, will you? Instead of picking on me, why don't you figure out what we're going to do about him?

В данном примере эмоциональное междометие «*gee whizz*» усиливает степень недовольства героя тем, что его принимают за дурака и придираются к нему, поэтому он переводит тему.

(6) She was built like a dream and wore a chain around her neck with a *medal of Saint Anthony* hanging down inside the most beautiful bosom I never saw. 'It must be a terrible temptation for Saint Anthony,' I joked-just to put her at ease, you know. *Saint Anthony?*' her husband said. *Who's Saint Anthony?* Ask your wife, I told him. She can tell you who *Saint Anthony* is. *Who is Saint Anthony?* he asked her. 'Who?' she wanted to know. '*Saint Anthony,*' he told her. *Saint Anthony?*' she said. *Who's Saint Anthony?*

Этот пример ярко иллюстрирует, как языковая игра с именем собственным становится искусной «уловкой» героя, цель которого сыграть злую шутку с мужем любовницы, манипулируя его чувствами. В действительности *Saint Anthony* это медальон, который женщина носила на груди. Многократная апелляция к имени становится ключевым в разжигании чувства ревности у мужа и ответного недоумения у жены, что в конечном итоге создает атмосферу абсурдности комичности.

Итак, анализ примеров из романа Дж. Хеллера «*Catch-22*», показывает, как с помощью разноуровневых языковых средств способов их комплексной организации создается атмосфера абсурда и недоверия, фальши и лжи, лицемерия, а порой даже грубости и порочности. В таких условиях общение между главными героями строится, прежде всего, на дезинформации, обмане, бессмысленных рассуждениях, недосказанности, оговорках, замалчивании. Стратегия «уловка» созвучна названию самого романа и становится мощным «оружием», с помощью которого американские военнослужащие манипулируют друг другом, воздействуя таким образом на их эмоциональное состояние с целью повлиять на сознание собеседника и смоделировать желаемое поведение.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Агаркова О.А.* Коммуникативные стратегии и тактики комплиментарных высказываний // Филологические науки в России и за рубежом: материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012.
2. *Dijk T.A. van.* *Strategies of Discourse Comprehension.* New York: Academic Press, 1983.
3. *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
4. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
5. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие / В.Е. Чернявская. М.: Флинта, Наука, 2006.
6. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. Екатеринбург, 2001.

R E F E R E N C E S

1. *Agarkova O.A.* Communicative Strategies and Tactics of Complementary Statements // Philological Sciences in Russia and Abroad: materials of international science conference (St. Petersburg, February 2012). SPb.: Renome, 2012.
2. *Dijk T.A. van.* Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983.
3. *Zemskaya E.A.* The clichés of Novoyaz and Citation in Postsoviet Society // E.A. Zemskaya Questions of linguistics. 1996. № 3.
4. *Kobozeva I. M.* Linguistic semantics. M.: Editorial URSS, 2000.
5. *Chernyavskaya V.E.* Discourse of power and power of discourse: problems of Speech Influence: Training Manual / V.E. Chernyavskaya. M.: Flinta, Nauka, 2006.
6. *Chudinov A. P.* Russia in the metaphorical mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): Monograph. Ekaterinburg, 2001.

15 сентября 2019 г.
